

Философия

УДК 101.1:316+1(091) (450)(045)

И.В. Журбина

РАЗУМ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УЧЕНИИ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

В статье рассматривается учение о государственном (у)правлении Никколо Макиавелли на основе трактата «Государь», заложившего основы современной идеи правительности (governmentality) (М. Фуко). Используется философско-герменевтический метод, в соответствии с которым (пред)положением, от которого «отталкивается» исследование и прочитывается трактат «Государь», является положение о том, что смысл рационального управления определяется у Макиавелли через концепцию разума государя как истока системы государственного управления. Здесь разум и/или ум понимается как воспитанное знанием личное качество государя, придающее всем его поступкам характер осмысленного действия. Это позволяет государственное управление интерпретировать в аспекте таких универсальных категорий человеческого мышления, как рассудительность, разумность и мудрость. Показано, что рассудительность правителя воспитывается знанием практическим – география, военное дело и знанием теоретическим – история. В изучении истории выделяется, предложенная Макиавелли, форма ведения мысленного диалога с историками. Диалог с историками развивает у правителя умение задавать правильные вопросы (спрашивать) и получать необходимые ответы. Определено, что принцип разумности Макиавелли распространяется на выбор советников, модель взаимоотношений между правителем и советниками. Государь Макиавелли представляется как человек, умеющий выслушивать мнения советников, но единолично принимающий решение. Показано, что разум выступает принципом, руководящим деятельностью правителя, позволяющий правителю делать правильный выбор между скупостью и бережливостью, жестокостью и милосердием, любовью и ненавистью народа и т. д. Утрата власти правителем рассматривается как проявление его неразумия, смысл которого заключается в умственной неспособности правителя думать ситуативно и делать разумный выбор.

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, правительность, правитель, власть, рациональность, разум, мудрость.

DOI: 10.35634/2412-9550-2022-32-1-5-15

Введение

В настоящее время интерес исследователей к учению Никколо Макиавелли (1469–1527) вызван современными проблемами (Н. Н. Гусев [6], Э. Р. Сафаргалиев [28] и т. д.). К таким проблемам относится вопрос государственного суверенитета (О. А. Клименко, А. К. Мирзоев, И. Л. Третьяков [13], В. В. Слеженков [30]), который актуализировался в условиях экономической глобализации, радикально изменившей представление о национальном государстве (З. Бауман [2]); доминирование неолиберального режима управления (М. Дин [8]), который носит чисто технологический характер государственного администрирования, провоцирующего появление непреднамеренных последствий в виде чрезвычайных ситуаций (I. Zhurbina [47. P. 184]) и т. д.

Учение Н. Макиавелли начинает прочитываться заново современными авторами не только в рамках историко-философских изысканий (В. Разуваев [21], Е. И. Темнов [31], М. А. Юсим [36], S. Anglo [37], M. Deitz [38], A. H. Gilbert [40], C. H. Zuckert [46]), но в его произведениях исследователи стремятся получить ответы на актуальные вопросы современности, среди которых особая роль принадлежит вопросам технологии управления (М. Рэмси [27], С. Н. Федорченко [32], С. J. Holman [42], V. Femia [39]). Экстраполяция основных положений «Государя» на сферу бизнеса и государственного управления формирует представление о «новом макиавеллизме». «Между тем, в последнее время появилось много книг, – пишет В. Разуваев, – которые либо прямо называются “новый Макиавелли”, либо так или иначе имеют дело с переосмысливанием его идей не только для политики нашего времени, но и для различных социальных групп (и даже полов) современного общества» [21. С. 7]. «Государь» становится метафорой эффективного менеджмента (А. Jay [43]), маркетинга, имиджмейкерства (Д. Ринг [25]) и политтехнологий (Д. Моррис [20], С. В. Митин, А. А. Мамонова [19] и др.).

В сфере политического управления повышенный интерес исследователей к учению Макиавелли вызван концепцией правительности М. Фуко, сформулированной им в курсе лекций под общим названием «Безопасность, территория, население», прочитанных в Коллеже де Франс в 1977–1978 учебном году. Этимологически слово «правительность» (от франц. la gouvernementalité) отсылает одновременно к правлению и мышлению, то есть к формам знания и способам рассуждения об управлении. «Именно это соединение управления и мышления, – пишет М. Дин, – подчеркивается в гибридном термине “правительность”» [8. С. 119]. Термин «правительность» М. Фуко соединяет в себе, с одной стороны, технологии власти, представленные совокупностью механизмов, средств, инструментов, тактик и техник, с другой стороны – тип рациональности, который выражается в определенного рода режиме знания, способе мышления и анализа, устанавливающих границы функционирования того или иного исторического режима (у)правления. «Под “управленчеством”, я думаю, надо понимать процесс, или, скорее, результат процесса, в рамках которого государство, бывшее в Средние века государством юстиции и ставшее в XV и XVI вв. государством административным, постепенно оказывается государством “оправительственным”» [33. С. 162].

Перевод на русский язык французского слова «gouvernementalité» и английского «governmentality» обнаруживает множество способов истолкования термина М. Фуко (А. Корбут, А. Бикбов [9. С. 3-4]). Это связано в первую очередь с особенностями перевода и стремлением переводчиков найти такое понятие, которое более точно выражало бы идею М. Фуко о режимах государственного правления. Обращаясь к специфике перевода, Г. Г. Гадамер пишет: «там, где требуется перевод, там приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном и воспроизведение на другом языке, – несоответствие, которое никогда не удастся полностью преодолеть» [4. С. 447]. В русскоязычной литературе термин М. Фуко переводится как ‘правительственность’ (И. Окунева, Б. М. Скуратов [35]), ‘управленчество’, ‘обустройство’, ‘оправительствование’ (В. Ю. Быстров, Н. В. Суслов, А. В. Шестаков [33]), ‘устройство управления’ (А. Скидан, А. Пензин [23]), ‘управленитет’ (Н. Феоктистова, П. Романов [12]), ‘правительность’ (А. Бикбов, А. Корбут [9], С. Гавриленко, А. Писарев [8], М. Д. Марей [18]) и т. д. В переводах на русский язык термином, наиболее полно отражающим идею М. Фуко, считается ‘правительность’. Это объясняется тем, что данный термин, с одной стороны, сохраняет характер искусственности, поскольку соединяет в себе как формы субъективности (знание и тип рациональности), так и объективности (технологии), с другой стороны – не позволяет свести идею М. Фуко исключительно к деятельности правительства. «Речь о более строгом прагматико-морфологическом переводе, который <...> мог бы передать “gouvernementalité” как “упрамыслие”, “упрациональность” или “мысле(на)правление”» (А. Бикбов [8. С. 25]).

В целом можно говорить о том, что идея правительности выражает принцип рационализации государственного (у)правления, построенного на системе знания. Рационализация государственного (у)правления развивается М. Фуко на основе общего представления о государственном разуме. В данном случае «разум государства», прежде всего, рассматривается как некая разумность, свойственная искусству управления государством, которая не отсылает ни к Богу (Фома Аквинский), ни к Государю (Н. Макиавелли). Однако в становлении идеи правительности большое значение М. Фуко придает именно учению Никколо Макиавелли, поскольку он рассматривал разум государя как основу государственного (у)правления. Несмотря на то, что это ни Макиавелли определил искусство управления, но «благодаря тому, что он говорил, было найдено то, чем искусство управления является» [33. С. 320]. В процессе научных дискуссий 1580-1660 гг., а также конца XVIII–начала XIX в. как сторонники, так и противники Макиавелли, пытались определить сущность управления, «отталкивались» от трактата «Государь».

В связи с этим «Государь» представляется трактатом, отвечающим на актуальные для концепции управления вопросы: «как управлять собой, что значит быть управляемым, каким образом управлять другими, кому нужно доверять управление, что необходимо делать, чтобы стать наилучшим из возможных правителей?» [33. С. 134]. В учении Макиавелли государственное управление рассматривается на основе принципа рациональности, который раскрывается в степени разумности государя, служащей гарантом эффективности управления. Здесь государственный разум отождествляется с разумом государя, а искусство управления понимается как способность и умение государя рационально выбирать средства для достижения собственной цели – сохранение и укрепление власти. Та-

ким образом, у Макиавелли эффективность управления непосредственно зависит от разума государя, который представляется рационально мыслящим человеком.

Обращение к традиции и современная интерпретация учения Макиавелли позволяет использовать философско-герменевтический метод исследования, сущностью которого заключается в процессе понимания и истолкования, в первую очередь, классических текстов, к которым относится трактат «Государь» Макиавелли. Философско-герменевтическое понимание базируется на изначальном (пред)понимании (Г.-Г. Гадамер [5]), то есть исходном (пред)положении, которое инициирует процесс истолкования и становится началом постижения сути исследовательского вопроса. Исследование движется в герменевтическом круге понимания (М. Хайдеггер), открывающем новую проекцию смысла. В данной работе (пред)положением, от которого «отталкивается» исследование и прочитывается трактат «Государь», является положение о том, что смысл рациональности определяется у Макиавелли через концепцию разума государя как начала системы государственного управления. Такое (пред)положение определяет направление исследования и прокладывает траекторию мысли, не позволяя сбиться с пути и уйти в рассуждения о республиканизме и монархизме, как политических предпочтениях самого Макиавелли, а также цинизме и имморализме политики и политиков. В данном исследовании разум и/или ум понимается как воспитанное знанием личное качество государя, придающее всем его поступкам характер осмысленного действия. Это позволяет государственное управление интерпретировать в аспекте таких универсальных правил человеческого мышления (L. Olschki [44]) как рассудительность, разумность и мудрость. В связи с этим особый интерес представляют комментарии к трактату «Государь», в которых определяется «веер значений» основных понятий, используемых Макиавелли – *stati, stato, dominii, imperio, «Il Principe»* и т. д., а также уточняется смысл таких полисемантических терминов как *virtu* (доблесть) и *fortuna* (милость судьбы). Комментарии не только демонстрируют разные способы интерпретации одного и того же положения Макиавелли, но и выявляют новые смыслы его учения.

Трансформация понятия «политика» в учении Никколо Макиавелли

Начиная с эпохи Возрождения, происходит эволюция понятия «политика», которую исследователи связывают с именем Никколо Макиавелли. В данном случае выделяют два начала новоевропейской трактовки понятия «политика» [11. С. 417]. Первая интерпретация политики обращает к учению Аристотеля, в соответствии с которым политика продолжает рассматриваться в аспекте этики. Однако здесь необходимо заметить, что у Аристотеля одной из основных политических добродетелей правителей является рассудительность. Второе начало отсылает к учению Макиавелли, рассматривающим политику как автономную сферу, независимую ни от чего, кроме себя самой. В соответствии с высказыванием Б. Телезия, политика начинает изучаться на основе принципа: «*juxta propria principia*», то есть «автономно, не будучи причастным к другим областям, и, освободившись от методологической нагруженности» [24. С. 311]. Если обратиться к принципу автономизации (от греч. *autos* – сам, само; *nomos* – закон), то он проявляет себя как самоуправление на основе собственных законов, что превращает политику в самостоятельную сферу практической деятельности, а государя в самоуправного субъекта политики, действующего на основании установленных им самим правил и норм. В данном случае автономизация политики может трактоваться двояко. С одной стороны, автономизация позволяет политику рассматривать как реальность независимую от морально-этических норм: «князю, желающему удержаться, необходимо научиться уменью быть недобродетельным и пользоваться или не пользоваться этим, смотря по необходимости» [15. С. 101]. Иными словами, князь «не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства <...> не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо» [15. С. 110], а также «князь, желающий сохранить власть, часто бывает вынужден не быть добродетельным» [15. С. 116]. В данном случае политика как бы «замыкается» на самой себе, ее существование больше не определяется никакими внешними принципами и нормами. Существование автономной политики выражается формулой: «политика для политики», что равнозначно ее пониманию как «политики политиков» (Ж. Рансьер [22. С. 13]). С другой стороны, сфера политики непосредственно связывается с властью. Макиавелли пишет: «Я <...> буду обсуждать, как можно этими княжествами управлять и как их удерживать» [15. С. 51]. В условиях автономизации понятие «власть» начинает определять предметную область и специфику политики, а политика отныне отождествляется исключительно с государством и государственной властью. Начиная с эпохи

Возрождения, считает Ж. Бодрийяр, власть становится означающим политики, ее знаковым эквивалентом [3. С. 22]. Отношение между властью и политикой начинает регулироваться естественным законом, ограничивающим политику кругом лиц, обладающих властью. Такой круг лиц мы называем «профессиональными политиками». Полнота власти определяет социальный статус человека, его положение в политической структуре общества и степень его влияния. В результате политика начинает пониматься как чистая стратегия, в которой выбор средств подчиняется цели, высшей из которых является сама власть [45. Р. 170-171]. Несмотря на то, что в трактате «Государь» слово «*politico*» не встречается ни разу, тем не менее, начиная с Макиавелли, «понятие политика эволюционировало из морально-философского понятия в сторону понятия реального, описывающего *ratio* реального поведения в действительные намерения государственных деятелей; при этом молчаливо предполагалось, что целью их является укрепление и расширение власти» [11. С. 425].

«Государь» Макиавелли является трактатом об умении государя и/или правителя достигать, сохранять и усиливать свою власть. В письме к Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г. Макиавелли так описывает свой замысел трактата: «составил книжицу “О государствах”, где по мере сил углубляюсь в размышления над этим предметом, обсуждая, что такое единоличная власть, какого рода она бывает, каким образом приобретается и сохраняется, по какой причине утрачивается» [16. С. 704]. Обращаясь к истории названия В. Разуваев отмечает, что первоначально Макиавелли свой трактат назвал «*De Principatibus*», который на русский язык переводится «О принципатах». Однако первое издание трактата Макиавелли вышло под названием «*Il Principe*». На русский язык данное название переводилось как «Монарх» (перевод Ф. К. Затлера), «Государь» (перевод Н. С. Курочкина), «Князь» (перевод С. М. Роговина), в советское время трактат выходит снова под названием «Князь» (перевод М. И. Фельдштейна). «Дальнейшие издания в своем большинстве ориентировались на заглавие “Государь”» [21. С. 39].

Специфика перевода трактатов о правлении, считает А. В. Марей, заключается в том, что в них особое место занимает в заглавии фигура *princeps*'a. В русском переводе *princeps* в полном соответствии с отечественной традицией, превращается в государя. Однако «*princeps* подразумевает отношение первенства (этим словом в Риме называли первого сенатора), в то время как государь маркирует отношение господства» [17. С. 91]. Уточняя терминологию трактата «Государь» (*Il Principe*), Е. И. Темнов пишет, что *princeps* «часто переводится на русский язык как “государь”, “князь”, но точнее его значение именно принцепс (от лат. *primus* – первый + *capere* – захватить) – “первый, кто захватил политическую власть”. Термин <...> обозначал “первого гражданина Римского государства”» [31. С. 15].

Традиционно считается, что Никколо Макиавелли в «Государе» сформулировал основы современной реальной политики или *realpolitik* (Р. Godman [41]), суть которой заключается в том, что политику необходимо рассматривать такой, какая она есть в действительности. При этом действительность политики должна пониматься в буквальном смысле слова как сфера практической деятельности (*praktike*), в которой приоритетное значение имеет акт непосредственного действия (*actus*) (I. Zhurbina [48. Р. 170]). В связи с этим реальная политика у Макиавелли в прямом смысле слова оказывается политикой действия государя, действующего рационально. Действия государя и/или правителя управляются внутренним принципом, функцию которого выполняет разум, позволяющий государю сохранять первенство. Таким образом, начиная с учения Макиавелли, политика рассматривается как автономная сфера деятельности власти, имманентным началом которой служит разум государя.

Исток рационального управления: рассудительность, разум, мудрость

Задаваясь вопросом: «как должны действовать умные и мудрые правители?», Макиавелли формулирует свои максимы практической политики в форме советов и/или наставлений правителю. В данном случае Макиавелли как бы «отталкивается» от того, «что есть» и формулирует «как должно быть». В практической политике присутствует недостаток рационального подхода в деле управления и защиты государства: «велико расстояние от того, как протекает жизнь в действительности, до того, как должно жить, что человек, забывающий, что делается ради того, что должно делать, скорее готовит свою гибель, чем спасенье» [15. С. 101]. Этот недостаток как бы негласно Макиавелли связывает с неразумностью правителей, их неумением обдуманно поступать, то есть использовать силу своего разума. В связи с этим высшей из добродетелей (*virtù*) у Макиавелли можно считать разумность правителя. «Макиавеллева *virtù* – это воля, вооруженная умом, и ум, окрыленный волею» [7. С. 25]. Разум государя является началом рационального управления государством. Термин «*virtù*» (доблесть)

становится центральным понятием, обозначающим «рациональную систему политического мышления» (L. Olschki [44. P. 39]). Разум рассматривается не как особого рода здравомыслие, свойственное всем людям, а то, что воспитывается в первую очередь знанием.

У Макиавелли знание трактуется в двух аспектах: знание практическое – «упражнение на деле» и знание теоретическое – «упражнение в мыслях». Практическим знанием, воспитывающим разум правителя, в первую очередь, является география. Особую пользу знание географии приносит в военном деле, поскольку формирует умение ориентироваться с учетом природных особенностей и топографии той местности, где могут начаться боевые действия с неприятелем: «узнать, где возвышаются горы, сходятся долины, лежат равнины, знать свойства рек и болот <...> Такое знание полезно вдвойне. Во-первых, князь научается знать свою страну и может лучше понять, как ее защищать; во-вторых, благодаря знакомству с этими местами и привычке к ним он легко разбирается в любой другой местности, которую ему случится увидеть впервые; ведь, например, холмы, долины, равнины, реки, болота Тосканы и других земель имеют некоторое сходство, так, что знание местности в одной стране много помогает знанию ее в остальных» [15. С. 99-100]. В мирное время знание географии должно побуждать государя обсуждать со своим друзьями и советниками вопросы нападения и обороны, то есть размышлять о том, «что делать, если...». Эти размышления представляются Макиавелли цепочкой вопросов: «если бы враги были на том холме, а мы с нашим войском находились здесь, у кого из нас было бы преимущество? Как можно было бы двигаться против них, сохраняя боевой порядок? Что следовало бы делать, если бы мы захотели отступить? Как нужно было бы их преследовать, если бы отступали они?» [15. С. 100].

Теоретическим знанием, необходимым государю, является знание истории. История здесь понимается как история фактографическая, повествующая о делах великих исторических личностей – Александр Великий, Цезарь, Сципион и т. д. Особый интерес представляют истории о выдающихся действиях, то есть победах и поражениях исторических личностей, которые могут послужить примером того, «как надо делать» и «как делать не следует». В данном случае Макиавелли является сторонником образования, «полученного путем изучения примеров из прошлого. При этом он делал упор не на абстрактные принципы, а на конкретные примеры» [21. С. 330]. История учит понимать мысли великих исторических деятелей, которые выражаются в конкретных действиях. Действия являются всего лишь внешней, объективированной стороной деятельности великих исторических личностей, которая определяется и направляется их разумом. Действия великих исторических личностей должны братья государем за образец поведения. Изучение жизни и дел великих людей учит государя избегать ошибок поражений и подражать действиям, ведущим к победам: «всего важнее ему поступать, как уже поступал в прежние времена какой-нибудь замечательный человек, взявший за образец кого-либо, до него восхваленного и прославленного, жизнь и дела которого были всегда у него перед глазами» [15. С. 100]. При этом у Макиавелли речь идет не просто о подражании делам великих личностей, но скорее о подражании подражанию, так как он призывает правителей подражать тем, кто подражал другим: «Александр Великий подражал Ахиллесу, Цезарь – Александру, Сципион – Кирю» [15. С. 100].

Изучение истории представляется Макиавелли в форме диалога с выдающимися историками, к которым он относит Тита Ливия, Тацита, Плутарха, Полибия, Ксенофонта и т. д. Диалог с историками воспитывает у государя пылкий ум и умение спрашивать, то есть задавать правильные вопросы и выслушивать необходимые ответы: «я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают» [16. С. 704]. Труды историков содержат ответы о том, «как» надо действовать и «почему» поступать таким образом, а не другим. Изучая действия и/или поступки, государь начинает понимать образ мыслей великих исторических деятелей. Конкретные исторические примеры сам Макиавелли использует для подтверждения правомерности своих положений и выводов. «Наряду со Спартой, Афинами, Римом, Карфагеном он обращался к прошлому Болоньи, Перуджи, Сиены, Фазенцы и никогда не упускал из поля зрения Венецию и Флоренцию, Милан и Неаполь» [7. С. 82].

Знание истории воспитывает разум правителя, а воспитанный знанием разум делает его мудрым, способным самому себе ответить на вопросы: «что следует делать в этих обстоятельствах?» и «как следует поступить?». Наставляя государя, Макиавелли пишет: «Человек мудрый должен всегда выбирать дороги, испытанные великими людьми, и подражать самым замечательным, так что если он не достигнет их величия, то воспримет хоть некоторый его отблеск» [15. С. 66]. Здесь мудрость пра-

вителя проявляет себя в умении подражать «лучшим из лучших», но такое умение базируется на способности государя заново воспроизводить в уме историю великих деяний.

Из двух родов деятельности, которые, начиная с античности, считались политическими – речь (λέξις) и действие (πρᾶξις) [1. С. 37], Макиавелли отдает предпочтение исключительно действию. Если у Аристотеля круг общения монарха формируется из единомышленников, чьи советы помогают монарху принять лучшее решение [10. С. 15], то у Макиавелли сам выбор советников является рациональным процессом, требующим от правителя умения распознать среди своего окружения рассудительного человека. Советники из круга приближенных государя сами являются критерием оценки его разумности. «Чтобы судить об уме князя, надо прежде всего видеть его приближенных. Если они дельны и преданны, князя всегда можно считать мудрым, потому что он сумел распознать годных и удержать их в верности себе. Но если они не таковы, то вполне возможно неблагоприятное суждение о князе, потому что первую свою ошибку он делает именно в этом выборе» [15. С. 129-130]. Ум правителей Макиавелли подразделяет на три рода по их способности самостоятельно мыслить. Способность самостоятельно думать и принимать решения наиболее важна для новых князей, которые в процессе управления не могут полагаться ни на кого, кроме самих себя. В данном случае Макиавелли пишет, что один правитель способен самостоятельно думать и «понимает все сам»; второй усваивает мысли других; третий не понимает ни сам, ни когда ему объясняют другие. Способность выслушивать мнения советников и понимать точку зрения другого, но при этом самостоятельно принимать разумные решения, является, по Макиавелли, отличительной чертой мудрого правителя. «Итак, надо заключить, что хорошие советы, кто бы их не давал, происходят от благоразумия князя, а не благоразумие князя – от хороших советов» [15. С. 132-133].

Макиавелли выстраивает рационалистическую модель отношений между правителем и его советниками по принципу «содружества умных государей и советников» (В. Разуваев [21. С. 458]). Разумный советник должен понимать, что его благосостояние зависит от его способности рассуждать только о делах государства. В свою очередь разумный государь должен предоставить советнику свободу говорить правду, «притом только о делах, о которых он спрашивает, и ни о чем ином» [15. С. 131]. Государь описывается Макиавелли как «щедрый вопрошатель» и «терпеливый слушатель правды о спрошенном», то есть как человек, имеющий навык задавать правильные вопросы, и умеющий выслушивать мнения советников. Как пишет В. Разуваев, государь Макиавелли «должен быть достаточно умен, чтобы извлечь максимум из советов своих советников» [21. С. 458]. Умение государя спрашивать и слушать становится гарантом принятия им правильного решения. Когда государь ни с кем не советуется, никого не слушает и никому не сообщает о своих намерениях, то на его решения никогда нельзя полагаться, поскольку под натиском возражений государь свое решение может изменить на прямо противоположное. В данном случае Макиавелли проводит четкую границу между обсуждением решения с советниками и его принятием государем. «Спросить же государь должен о каждом деле, выслушать мнение советников, а затем решить самому и по своему усмотрению <...> Помимо них, не надо слушать никого, без колебаний проводить принятое решение и твердо стоять на своем» [15. С. 131].

Отдавая предпочтение исключительно действию, Макиавелли обесмысливает речи правителей. Задаваясь вопросом: «что такое слово князя и как его надо держать?» [15. С. 61] и «как князя должны держать свое слово?» [15. С. 108-111], Макиавелли показывает бессмысленность политических обещаний и неизбежность «разрыва» между речами и действиями правителя. Макиавелли пытается понять в каком случае правитель должен выполнять свое намерение совершить то или иное действие. В этом смысле Макиавелли предопределил дальнейшие исследования как речевых актов, так и самой риторики политических обещаний. Сущность обещания заключается в том, что оно является перформативным высказыванием, в котором на уровне речевого акта устанавливается связь между высказыванием и действием: «S намерен с помощью высказывания T связать себя обязательством совершить A» (Дж. Р. Сёрль [29]). Обещание накладывает обязательство на говорящего и тем самым связывает слово и действие. Согласно Макиавелли, правитель «никогда не делает того, о чем говорит», то есть он может сразу перейти к действию и «никогда не говорить о том, что он делает», значит, слова и обещания правителя не имеют никакого значения: «разумный правитель не может и не должен быть верным данному слову, когда такая честность обращается против него и не существует больше причин, побудивших его дать обещание» [15. С. 109]. В другом месте Макиавелли пишет: «опыт нашего времени показывает, что великие дела творили как раз князья, которые мало считались с обещаниями» [15. С. 108].

В данном контексте интерес вызывает знаменитое высказывание Макиавелли о «лисе и льве», которое традиционно интерпретируется исследователями как метафора хитрости и храбрости правителя. Макиавелли пишет: «князю необходимо уметь хорошо владеть природой как зверя, так и человека <...> князь вынужден хорошо владеть природой зверя, он должен взять примером лисицу и льва, так как лев беззащитен против сетей, а лисица беззащитна против волков» [15. С. 108-109]. В современной философии афоризм Макиавелли о «лисе и льве», сочетающий «животное» и «человеческое» у правителя, рассматривается в аспекте античной «техники себя самого» (М. Фуко), способствующей формированию «нового» государя (Руднев [26. С. 87]).

Однако афоризм Макиавелли может прочитываться совершенно рационалистически, за пределами звериной метафоры через речь/слово и действие. В данном контексте «лиса», беззащитная против грубой силы, способна, с одной стороны, распознать лживость обещаний, с другой стороны, запутать противника в паутине слов. Политическая стратегия «лисы» предполагает виртуозное владение правителем языком и/или словом, способным не только убедить (знание риторики), но и ввести противную сторону в заблуждение двусмысленными высказываниями и игрой слов (софистика). «Лиса» демонстрирует умение правителя приспосабливаться к разнообразным ситуациям, когда он говорит одно, а делает совершенно другое. «Кто искуснее других умел действовать по-лисьему, тому и приходилось лучше» [15. С. 109]. Образцом стратегий «лисы» для Макиавелли является Родриго Борджиа (Папа Римский Александр VI), который «никогда ничего другого не делал, как только обманывал людей, никогда ни о чем другом не думал и всегда находил кого-нибудь, с кем можно было это проделать. Никогда не было человека, который убеждал бы с большей силой, утверждал бы что-нибудь с большими клятвами и меньше соблюдал» [15. С. 109-110]. В свою очередь «лев», наоборот, беззащитен против словесных ухищрений, но при этом способен действовать силой (оружия). Здесь «лев» олицетворяет собой действие, которое не сопровождается никакими речами, его объясняющими. В политике такое действие, начиная с античности, рассматривается как чистое насилие. «Задача автора доказать, – пишет В. Разуваев, – что при необходимости несоблюдение своего слова является естественной чертой правящего политика» [21. С. 375].

Сила разума позволяет правителю опираться только на самого себя. Макиавелли пишет: «мудрый князь должен опираться на то, что зависит от него, а не на то, что зависит от других» [15. С. 108]. Случай может государю помочь достичь успеха, но только его разум позволит понять значение этого случая. Руководствуясь разумом, правитель делает правильный выбор между скупостью и бережливостью, жестокостью и милосердием, любовью и ненавистью народа, а также сумеет избежать недовольства народа и заговоров знати против него, при этом он может создать о себе «молву как о великом и выдающемся человеке» [15. С. 127]. Правитель у Макиавелли должен уметь думать ситуативно и понимать, что правомерность проведения определенной политики в конкретной ситуации – вооружение подданных/обезоруживание подданных; использование наемных войск/использование собственных войск и т. д., делает ее совершенно неприменимой и ошибочной в другой ситуации. У Макиавелли разум, с одной стороны, противопоставляется злодеянию, ориентированному на чистое насилие – убийство своих сограждан, измену друзьям и т. д. В данном случае насилие происходит от незнания правителя и его неумения здраво рассуждать, то есть использовать силу своего ума: «пусть наши правители, много лет властвовавшие в своих княжествах, обвиняют за утрату их не судьбу, а свою неумелость» [15. С. 134]. С другой стороны, утрата власти правителем рассматривается как проявление его неразумия, то есть умственной неспособности правителя осмыслить ситуацию и сделать разумный выбор.

Заключение

Трактат «Государь» представляет собой свод правил и/или советов для правителей, показывающий, что истоком рационального (у)правления является разум государя, который проявляется в его способности и умении рационально выбирать средства для достижения собственной цели – сохранение и укрепление власти. Задаваясь вопросом: «как должны действовать умные правители?», Макиавелли формулирует свои максимы, то есть рациональные принципы, следовать которым должен мудрый правитель, контролирующийся страсти души и неумную жажду власти. Наставляя государя, Макиавелли рассуждает о том, что он «должен» делать или не-делать: «князь должен быть осмотрителен», «князь должен внушать страх», «князь должен опираться на то, что зависит от него», «князю необходимо уметь», «князь, и особенно князь новый, не может соблюдать все», «князь должен остере-

регаться» и т. д. Практические советы, сформулированное Макиавелли, становятся своего рода гарантом того, что любой вопрос, относящийся к сфере политической практики, и возникающий из этой сферы, может быть успешно разрешен.

Несмотря на то, что Макиавелли являлся гражданином Флоренции, а не философом-чужестранцем, приехавший издалека с целью дать советы правителю, он занимает в отношении практической политики Италии того времени трансцендентальную позицию теоретизирования и/или позицию трансцендентальной субъективности. Вынужденное отстранение Макиавелли от политики в 1512 г. (увольнение с должности с запретом переступать порог Палаццо Веккьё; привлечение по делу о заговоре Пьетро Паоло Босколи против Медичи; заключение в тюрьму, где он подвергается пытке) позволяет ему дистанцироваться и рассуждать о мудрости правителей, занимая при этом позицию наставника и/или учителя, который обладает большей степенью разумения, чем государи того времени. «Я просил бы не считать за самомнение, что человек такого низкого и незаметного состояния позволяет себе рассуждать о правлении князей и устанавливать для них правила» [15. С. 50]. Позиция Макиавелли как бы показывает, что когда философ не может править сам, тогда он вынужден довольствоваться советами правителю (А. Кожев [14. С. 317-318]).

Излагая свое видение принципов государственного управления, составляющих сущность политики, Макиавелли выступает, с одной стороны, как государственный деятель (секретарь Второй канцелярии/секретарь Совета десяти), имеющий не только практический опыт, но и «огромный, острой, безгранично смелый ум», которому «была свойственна некоторая рационалистичность, подчас сухость, но критическая его сила была поразительна» [7. С. 19]. С другой стороны, Макиавелли является философом, формулирующим концепцию политики как сферы государственного управления, построенную на принципе рационализма. Здесь он выступает незаурядным аналитиком, имеющим широкие политические взгляды, политическим экспертом и политконсультантом. В трактате «Государь» позиция Макиавелли выражается абсолютным «Я» авторской личности, советующей, наставляющей и поучающей государей: «Я не буду здесь рассматривать»; «Я скажу» / «Я скажу следующее»; «Ведь, как я уже говорил выше»; «Пусть не удивляются, если я, собираясь говорить»; «Я хочу по поводу того и другого способа стать властителем»; «Я не мог бы упрекнуть его ни в чем»; «Я приведу два примера»; «Я не хотел обойти недавние итальянские примеры» и т. д. В трактате государь выступает в качестве идеального адресата. Такого идеального адресата Макиавелли именуется либо «князем» – «князь не может, не вредя себе», «князю, чтобы разорять своих подданных», «князю, идущему в поход с войсками»; либо местоимением «ты» – «ты им обязан»; «тебе надо понять», «каждый видит, каким ты кажешься, немногие чувствуют, какой ты есть» и т. д. И только к одному адресату – Лоренцо Медичи – Макиавелли обращается на «Вы»: «Вашей светлости», «Вы по доброте своей», «сделать Вам большой дар», «чтобы Ваша светлость достигли того величия, которое обещает Вам судьба и другие Ваши качества», «если Ваша светлость с вершин своей высоты обратит когда-нибудь взор» и т. д. Для Макиавелли Лоренцо Медичи является действующим политиком, который мог бы реализовать на практике идею трактата «Государь» (В. Разуваев [21. С. 46]). Идеи Макиавелли о том, «как должен поступать государь», должны привести к возвышению Лоренцо Медичи в Италии, но при условии, что тому хватит мудрости изучить трактат и применить знание на практике. «Пересматривая все сказанное выше и размышляя наедине с собой, благоприятствуют ли сейчас времена возвышению в Италии нового властителя и есть ли в ней материал, которым мог бы воспользоваться умный и сильный человек» [15. С. 138].

Позиция трансцендентального теоретизирования придает советам Макиавелли статус абсолютной идеи. В силу своего абсолютного характера такая идея в практической политике может использоваться кем угодно и когда угодно: «сейчас, через сто лет, через пятьсот лет» (А. К. Дживелегов [7]), при условии, как пишет сам Макиавелли, если князь захочет «правильно рассуждать» [15. С. 68]. Наличие абсолютного знания придает процессу управления характер предельно рационализированной технической деятельности. В качестве технической деятельности политика задается в границах цели (власть), достижение которой требует абсолютно рационального подхода в выборе средств. Для этого необходим правитель, который смог бы воспитать в себе такое личное качество как ум и/или разум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арентдт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Х. Арентдт; пер. с нем и англ. В. В. Библихина. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 416 с.

2. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. М. Л. Коробочкина. – Москва: Весь мир, 2004. – 188 с.
3. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. Н. В. Сулова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 96 с.
4. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод / Гадамер, Г.-Г.; пер с нем.; общ. ред. и вступ. стат. Б. Н. Бессонова. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
5. Гадамер, Г.-Г. О круге понимания / Г.-Г. Гадамер // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – Москва: Искусство, 1991. – С 72–81.
6. Гусев, Н. Н. Макиавеллизм как универсальная социальная технология / Н. Н. Гусев // Социально-гуманитарное обозрение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 43–50.
7. Дживелегов, А. К. Никколо Макиавелли / А. К. Дживелегов // Макиавелли Н. Сочинения. Т. 1. – Москва; Ленинград: Academia, 1935. – С. 19–127. – URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/dzhivelegov-makiavelli-4.htm>.
8. Дин, М. Правительность: власть и правление в современных обществах / М. Дин, пер. с англ. А. А. Писарева; под науч. ред. С. М. Гавриленко. – Москва: Дело; РАНХиГС, 2016. – 592 с.
9. Донзло, Ж., Гордон, К. Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире / Ж. Донзло, К. Гордон; пер. с франц. А. Корбут; под ред. А. Бикбова // Логос. – 2008. – Т. 2, № 65. – С. 3–20.
10. Журбина, И. В. Концепция политического общения Аристотеля в контексте «лингвистического поворота» / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 30, вып. 1. – С. 11–20.
11. Зеллин, Ф. Политика (Politik) / Ф. Зеллин; пер. с немец. К. Левинсона // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи. В 2 т. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 389–519.
12. Кларк, Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения / Дж. Кларк; пер. с англ. Н. Феоктистовой; под ред. П. Романова // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1, № 1. – С. 69–89.
13. Клименко, О. А., Мирзоев, А. К., Третьяков, И. Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Никколо Макиавелли и некоторые современные актуальные проблемы / О. А. Клименко, А. К. Мирзоев, И. Л. Третьяков // Правовое поле современной экономики. – 2016. – №4. – С. 54–58.
14. Кожев, А. Тирания и мудрость. Комментарии по поводу трактата Л. Штрауса / А. Кожев // Штраус, Л. О тирании. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 221–274.
15. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 47–142.
16. Макиавелли, Н. Письма/ Н. Макиавели // Никколо Макьявелли. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. – Москва: НФ «Пушкинская библиотека», «Издательство АСТ», 2004. – С. 679–714.
17. Марей, А. В. Фома Аквинский и европейская традиция трактатов о правлении // Социологическое обозрение. – 2016. – Т. 15, № 2. – С. 87–95.
18. Марей, М. Д. «Республиканизм» и «Правительность»: два способа мышления о государственном управлении / М. Д. Марей // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. I. №1. – С. 113–122.
19. Митин, С. В., Мамонова, А. А. Воплощение черт Государя Макиавелли в современных правителях / С. В. Митин, А. А. Мамонова, // Контентус. – 2021. – №1 (102). – С. 3–9.
20. Моррис, Д. Новый государь. Новая версия Макиавелли для двадцать первого века / Д. Моррис. – Москва: Группа Компаний «Николо М», 2003. – 224 с.
21. Разуваев, В. Комментарии к «Государю» Макиавелли / В. Разуваев. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 528 с.
22. Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия / Ж. Рансьер; пер. с франц. и прим. В. Е. Лапицкого. – Санкт-Петербург: Machina, 2013. – 192 с.
23. Рауниг, Г. Учреждающие практики: ускользать, учреждать, трансформировать / Г. Рауниг; пер. с англ. А. Скидана; под ред. А. Пензина. – URL: <https://transform.eicpc.net/transversal/0106/raunig/ru/print.html> Реале, Дж., Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. Средневековье. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1994. – 368 с.
24. Ринг, Д. Коммуникации в духе Макиавелли / Д. Ринг // Макиавелли, маркетинг и менеджмент / под ред. Ф. Харриса, Д. Локка, П. Рис. – Москва; Санкт-Петербург: «Питер», 2003. – С. 104–120.
25. Руднев, Ю. В. Никколо Макиавелли и «тайное» знание эпохи Возрождения (как государь может «уподобиться» льву и лисе?) / Ю. В. Руднев // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2015. – № 2 (77). – С. 80–97.
26. Рэмси, М. Уместна ли макиавеллианская тактика в современной политике? / М. Рэмси // Макиавелли, маркетинг и менеджмент / под ред. Ф. Харриса, Д. Локка, П. Рис. – Москва; Санкт-Петербург: «Питер», 2003. – С. 182–216.
27. Сафаргалиев, Э. Р. Актуальные проблемы творчества Н. Макиавелли Э. Р. Сафаргалиев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2007. – №3 (8). – С. 204–209.

28. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт / Дж. Р. Серль; пер. с англ. И.М. Кобозевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / отв. ред. Б. Ю. Городецкий. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 151-169.
29. Слеженков, В. В. Политико-правовые идеи Никколо Макиавелли как базис современного понимания сущности государства: некоторые проблемы интерпретации / В. В. Слеженков // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2020. – №1 (50). – С. 80–83.
30. Темнов, Е. И. Макиавелли – политический писатель / Е. И. Темнов // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 3–46.
31. Федорченко, С. Н. Легитимность политического режима и PR: актуальны ли советы Макиавелли? / С. Н. Федорченко // Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. №3. – С. 24–45.
32. Фуко, М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / М. Фуко; пер. с франц. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. – Санкт-Петербург: Наука, 2011. – 544 с.
33. Фуко, М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) / М. Фуко; пер. с франц. И. Окуневой; под общ. ред. Б. М. Скуратова // Логос. – 2003. – №4-5. – С. 4-22.
34. Фуко, М. Искусство государственного управления М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2. / пер. с франц. И. Окуневой; под общ. ред. Б. М. Скуратова. – Москва: Праксис, 2005. – С. 183-211.
35. Юсим, М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России / М. А. Юсим. – Москва: «Канон+»: РООИ «Реабилитация», 2011. – 668 с.
36. Anglo, S. Machiavelli: The First Century / S. Anglo. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 778 p.
37. Deitz, M. Trapping the Prince: Machiavelli and the Politics of Deception / M. Deitz // American Political Science Review. – 1986. – Vol. 80, № 3. – P. 777–799.
38. Femia, J. V. Machiavelli Revisited / J. V. Femia. – Cardiff, Wales: University of Wales Press, 2004. – 200 p.
39. Gilbert, A. H. Machiavelli's *Prince* and Its Forerunners: The Prince as a Typical Book de Regimine Principum / A. H. Gilbert. – New York: Barnes & Noble, 1968. – 266 p.
40. Godman, P. From Poliziano to Machiavelli: Florentine Humanism in the High Renaissance / P. Godman. – Princeton: Princeton University Press, 1998. – 366 p.
41. Holman, C. Machiavelli and the Politics of Democratic Innovation / C. Holman. – Toronto: University of Toronto Press, 2018. – 320 p.
42. Jay, A. Machiavelli and Management / A. Jay. – London: Hodder & Stoughton, 1967. – 223 p.
43. Olschki, L. Machiavelli, the Scientist / L. Olschki. – California: The Gillick press, 1945. – 58 p.
44. Solovei, I. Transformation of Political Existence in Media Reality / I. Solovei // In the World of Scientific Discoveries. Series A. – 2015. – Vol. 3, № 1. – P. 169–178.
45. Zuckert, C. H. Machiavelli's Politics / C. H. Zuckert. – Chicago: University of Chicago Press, 2017. – 512 p.
46. Zhurbina, I. Interpretation of the Concept of Archipolitics in the Context of Expert Management / I. Zhurbina // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. – 2021. – V. 119. – P. 180-186.
47. Zhurbina, I. Interpreting The Concept Of Politics In Terms Of Prefixation / I. Zhurbina // Balkan Journal Of Philosophy. – 2019. – Vol. 11, Issue 2. – P. 169–178.

Поступила в редакцию 12.01.2022

Журбина Ирина Викторовна, доцент, кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: soloveyiv1@mail.ru

I.V. Zhurbina

REASON AS THE ORGANIZING PRINCIPLE OF STATE GOVERNANCE IN NICCOLÒ MACHIAVELLI'S DOCTRINE

DOI: 10.35634/2412-9550-2022-32-1-5-15

The paper discusses Niccolò Machiavelli's doctrine of state governance as described in his treatise *The Prince*, which laid the foundations of the modern idea of governmentality (M. Foucault). The paper relies on the method of philosophical hermeneutics. Therefore, the (pre)supposition to base the study on and interpret *The Prince* is the assumption that Machiavelli defines rationality through the concept of the sovereign's reason as the source of the state governance system. In this case, reason and/or intellect is understood as a personal quality of the sovereign mastered through knowledge, which makes all actions of the sovereign a meaningful action. Thus, state governance can be interpreted in terms of such universal categories of human thinking as prudence, reasonableness and wisdom. The paper shows that

the sovereign acquires prudence through practical knowledge (geography, military art) and theoretical knowledge (history). Machiavelli suggests conducting an inner dialogue with historians to study history. A dialogue with historians develops the sovereign's ability to ask the right questions (asking) and receive the necessary answers. The study finds that Machiavelli's principle of rationality applies to the choice of advisers and the model of the relationship between the sovereign and the advisers. The sovereign, according to Machiavelli, is a person who knows how to listen to the advisers, but who makes a decision by himself. The study shows that reason acts as a principle that guides the activities of the sovereign, allowing him to make the right choice between stinginess and thrift, cruelty and mercy, people's love and hatred, etc. The loss of power by the sovereign is seen as a manifestation of his unreason, i.e. the intellectual inability of the sovereign to think situationally and make a reasonable choice.

Keywords: Niccolo Machiavelli, governmentality, sovereign, power, rationality, reason, wisdom.

Received 12.01.2022

Zhurbina I. V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of History, Theory and Practice of Social Communications, Institute of Social Communication
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: soloveyIV1@mail.ru